

ЗАДУМЧИВЫЙ КОМАНДИР

- Теперь садитесь, - взглянув на ЧАСЫ, сказал ОТЕЦ. - Сейчас начнется САМОЕ ГЛАВНОЕ.

Он пошел и включил РАДИОПРИЕМНИК. Все СЕЛИ и ЗАМОЛЧАЛИ. Сначала было ТИХО. Но вот раздался шум, гул, гудки. Потом что-то стукнуло, зашипело, и откуда-то издалека донесся МЕЛОДИЧНЫЙ ЗВОН...

...Это в ДАЛЕКОЙ-ДАЛЕКОЙ МОСКВЕ, под красной звездой на Спасской башне звонили ЗОЛОТЫЕ КРЕМЛЕВСКИЕ ЧАСЫ.

И этот ЗВОН - перед Новым годом - сейчас СЛУШАЛИ люди и В ГОРОДАХ, и В ГОРАХ, В СТЕПЯХ, В ТАЙГЕ, НА СИНЕМ МОРЕ.

И, конечно, ЗАДУМЧИВЫЙ КОМАНДИР бронепоезда, тот, что неутомимо ждал приказа, СЛЫШАЛ этот звон тоже.

И тогда все люди ВСТАЛИ, еще раз ПОЗДРАВИЛИ друг друга с Новым годом и ПОЖЕЛАЛИ всем СЧАСТЬЯ. ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ - это каждый понимал по-своему...

(по тексту Аркадия Гайдара "Чук и Гек", 1939)
Игорь Савченко, июнь 1995

1996 N14

СЛОВАРЬ "ЦИРКА ОЛИМП"

НАРРАТИВНОСТЬ. Это свирепо звучащее слово употребляется исследователями словесного искусства уже давно и вовсе не является новомодным вывертом постмодернистского дискурса. Буквально, "нарративность" это повествовательность. Когда говорят о "нарративности", то имеют в виду целый комплекс качеств и свойств текста как коммуникативной единицы, передающей художественную информацию от автора адресату. В свое время М.Бахтин говорил о двух событиях повествовательного произведения. Во-первых, это событие, о котором рассказывается, условно говоря, некая история. Во-вторых, событие самого рассказывания, говорения, описания. В тексте эти события разделить невозможно. Другими словами, всякий факт предстает в нем как слово о факте. Слово имеет хозяина, несущего за него ответственность (нарратора, повествователя, рассказчика), и адресата (нарратора, слушателя, читателя). Имея в виду это свойство художественного слова, М.Бахтин называл его потенциально диалогичным.

Обычно в повествовательном произведении присутствует целая система нарраторов и наррататоров. В современной прозе, например, довольно распространенной формой повествования является так называемый автор-персонаж (Евг.Попов, Н.Климонтович, Ю.Милославский). На первый взгляд, это повествование "от первого лица" персонажа встречалось и раньше, в прозе девятнадцатого века. На самом же деле у современных авторов объектом повествования становится сам процесс рассказа-письма, приключения творчества, а вовсе не история, произошедшая с рассказчиком "в реальности". И рассказчик, и персонаж - это условные маски, за которыми стоит тот, кто несет ответственность за художественный мир произведения. Этого АБСТРАКТНОГО, то есть не материализованного в ткани текста, автора называют КОНЦЕПИРОВАННЫМ, или ИМПЛИЦИТНЫМ. Имплицитный автор - не реальный человек, а художественный образ, некий взгляд на мир. В современной литературе, связанной с постмодернизмом,

дистанция между реальным автором, имплицитным автором и нарратором становится предметом художественной рефлексии, а порой и иронической игры. В эту игру вовлекается не только проза, но даже поэзия, например, концептуализм (Дм.Пригов). Ярким примером иронической рефлексии по поводу разных текстовых ипостасей реального автора может служить роман Евг.Ан.Попова "Душа патриота, или Различные послания к Ферфичкину", порученный рассказчику по имени Евг.Ан.Попов (не путать с автором!), который повествует о приключениях персонажа - писателя Евг.Ан.Попова (не путать с рассказчиком, а тем паче с автором!). Здесь же присутствует и фиктивный пародийный наррататор - адресат. Это многократно названный, но совершенно неопределенный Ферфичкин (так называемый эксплицитный читатель).

Другая нарративная форма в современной прозе - ДЕПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ (В.Сорокин). Деперсонализированный повествователь - это некий обезличенный носитель-ретранслятор того или иного дискурса, фигура подчеркнута формальная, лишь внешне сохранившая преемственность с классическим всезнающим повествователем девятнадцатого века. Есть еще одна нарративная тенденция, обозначившаяся в отечественной прозе буквально в последние годы: повествование ведется от первого лица с предельной бесхитростностью, на уровне бытового рассказа (Сергей Гандлевский, "Трепанация черепа"). Создается ощущение исповедальности, однако и предмет, и стиль исповеди с точки зрения традиции не являются ни сокровенными, ни сакральными. Читатель вовлекается в частно-бытовой дискурс; текст, объявленный художественным, декларативно выводится из сферы искусства. Возможно, мы присутствуем здесь при рождении нового типа нарративных отношений и, как ни громко это звучит, нового типа письма.
И.Саморукова